

ВСТРЕЧИ

Русская мысль. — Парит. — спец. прил.

ЮБИЛЕЙ

— Дмитрий Сергеевич! Расскажите об отношении к религии в Вашей семье.

— У меня были верующие родители, хотя я не могу сказать, что наша семья была сугубо верующая. Глубоко верил мой дед Михаил Михайлович, который был старостой Владимирского собора. Родители моей матери были единоверцами, и это в какой-то мере притупило их религиозное сознание, потому что единоверчество возникало, к сожалению, часто на почве равнодушия к религии. Но равнодушия к религии у родителей моих родителей не было ни в коем случае.

В семье со стороны матери был нормальный быт, потому что религия и вера — это не просто объявление себя верующим, а некоторая норма жизни. Поэтому идти к бабушке — и к той, и к другой — на елку было обязательным, также посещение Церкви.

Мне всегда очень нравилась служба Двенадцати Страстных Евангелий. Когда после службы народ расходился и люди несли с собой горящие свечки, чтобы возжечь от них лампадки у икон, было до такой степени поэтично и хорошо, и в душу входил мир, — это ни с чем не сравнимо. В Страстную Пятницу мне очень нравились богослужебные напевы и вообще все богослужение. Особенно большое впечатление всегда производила, разумеется, ночная Пасхальная служба.

— Какая атмосфера была в гимназии, где Вы учились?

— Прежде всего должен сказать, что общие порядки при мне менялись несколько раз: то вводилось раздельное обучение, то обучение совместное. Когда я учился в школе Лентовской, в классе были люди разного культурного уровня. До этого я учился в другой школе, где в свое время учились Орбели, Александр Бенуа, — там общая атмосфера была совсем иная: интеллигентность как естественная среда.

Настало революционное время — люди покидали город либо для того, чтобы бежать в провинцию, где было сытнее, либо просто уезжали за границу. Мне кажется, что одна треть нашего класса просто уехала за границу. Со многими я встречался позднее. Недавно виделся со своим одноклассником Андреем Сологубом (он умер только в прошлом году); мы сравнивали нашу жизнь здесь и в эмиграции и пришли к выводу, что обучение и обстановка у нас в России была лучше, чем у него в Париже и вообще во Франции.

Был случай, когда девочка послала записку мальчику, объясняясь ему в любви. Совершенно случайно она попала к нашему классному наставнику, который произнес длинную речь о чистоте любви, о том, что большинство из нас будут матерями и отцами, и они должны знать, что это — дело святое...

Вообще отношения мужской части класса и женской были дружественными. Скажем, единственная из оставшихся сегодня в живых моих соучениц Лидия Розенштейн была дочерью богатых родителей, и когда нам не пришлось учиться, мы занимались у нее на квартире — изучали разные предметы. Мы объявили забастовку по одному случаю и отказались ходить в школу — тогда педагогический совет объявил, что лишает нас возможности вообще восстановиться в школе.

Мы с этим смирились и решили получать собственное образование, самообразование. Мы ходили в Эрмитаж, в Публичную библиотеку, выезжали все вместе за город и даже осмелились пригласить бывших в гимназии преподавателей дать нам несколько уроков. Получилась гимназия на дому, при наличии хороших гимназических помещений... Нас в конце концов пригласили обратно в школу, потому что было глупо заниматься на дому у Лиды Розенштейн, и мы вернулись.

Между девочками и мальчиками не было никакого различия в отношении к школе, к преподавателям. Ну, за исключением того случая, когда выпускница

«Мы пережили приближение к смерти, но это не означало, что все должны погибнуть...»

На вопросы «Церковно-общественного вестника» отвечает академик Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЕВ, недавно отметивший свое 90-летие

решила выйти замуж за преподавателя. Думаю, что сейчас это очень частое явление и, я бы сказал, ненормальное. Но наш случай, когда Женя Максимова вышла замуж за Питирима Юрьевича Германовича, был как-то осящен отсутствием в этом какой-то задней мысли и расчета, расчета! И мы оставались друзьями и с ней, и с ним.

Я потом ходил уже на его квартиру; он был большой любитель музыки, собирал пластинки и приглашал к себе тех, кто любит музыку, и церковную в том числе. Он был крещеный еврей, и они очень часто посещали именно ту церковь, которую любил я, — домовую церковь при Доме престарелых на углу Гатчинской улицы и Малого проспекта, на Петроградской стороне. Не знаю, насколько это было связано с верой: была ли это настоящая вера или только восхищение хором, который там пел.

— Был ли арест для Вас неожиданностью?

Нет, арест был ожидаемый! За нашим студенческим кружком следили, но мы считали недостойным прерывать на этом основании наши заседания. Мы только осторожнее выходили по вечерам с наших заседаний, чтобы не бросаться в глаза. Эти заседания как-то поднимали наш дух. Мы превращали наши заседания почти в богослужебные действия.

Скажем, в начале революции, в 1919-1920 гг., когда я поступил в этот кружок, заседания были чисто светскими, и ходившие на них люди не все были верующие. Но когда наступила опасность ареста, открытие заседаний — осенью 1927 года — сопровождалось церковной службой преподобному Серафиму Саровскому, которую вел замечательный священник о.Сергий Тихомиров. Он служил в Сергиевском соборе на Литейном проспекте.

Отец Сергий Тихомиров — просто святой. У него была дочь, которую не арестовали, а его увели прямо с допроса, потому что на допросе он говорил все то, что думал, — все то, что думали и мы. Но если мы как-то вуалировали свои взгляды, говорили, что не интересуемся политикой, то он прямо говорил, что эта власть — от Антихриста и в этом нет никаких сомнений.

По-видимому, разговор с ним на допросе был предельно резкий. И это подтверждается тем, что, когда я позднее просматривал наши дела, там было сказано, что о. Сергия увели в какое-то отделение. Я помню, что в отделениях не писали, что расстреливают, а просто уводили в какую-то дыру. Его прямо с допроса увели и расстреляли; в камеру он уже не вернулся. И никакого «постановления» не было. Дело в том, что расстрелы часто бывали без всяких постановлений: просто расстреливали, а «списывали» по болезни. Никаких «закономерностей» в чинимых беззакониях не было: следовательно делал все, что он хотел.

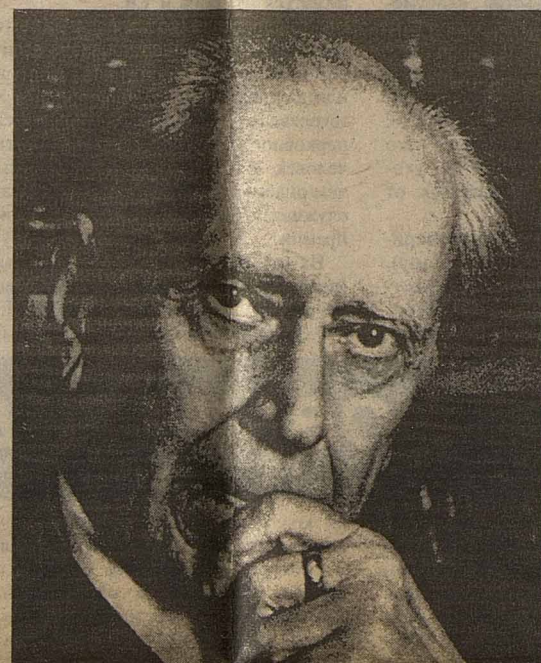
Кстати сказать, любопытная вещь: следовательно у нас был тот же самый, что потом занимался Большой Академией (т.н. «Академическое дело»). У меня такое впечатление, что наше дело — первое, «детское», юношеское — он начал вести для тренировки, а потом уже перешел на большое дело Академии Наук. Он был эстонец. Но никогда в жизни, вплоть до самого последнего момента, мне не приходила в голову мысль, что он это делал для разрушения русского государства, из ненависти к русским... А сейчас пришло! И я не могу от этой мысли отжаться.

— Что Вам дал лагерный опыт?

— Прежде всего — закалку духа, уважение к другим людям, к интеллигенции особенно. Я увидел там много совершенно замечательных людей.

— Как вели себя в заключении люди разных сословий, профессий и убеждений?

— Очень хорошо и твердо, даже, я бы сказал, весело и с подъемом духа вели себя гвардейские офицеры — верующие, из дворянских фамилий. Скажем, Георгий Михайлович Осоргин, о котором пишет Волков в своей вообще-то лживой книге «Нисхождение в Аид». Он там очень хвалит делопроизводителя

санчасти Осоргина, и он, действительно, спас очень многих людей: объявляя их больными, снимал с тяжелых работ профессоров, людей, сделавших много для науки, просто хороших людей. Было много проявлено героизма в спасении заключенных.

Ведь в лагере были места ужасающие, а были места, в которых более или менее сносно можно было жить. Мне, в частности, довелось жить не в самых худших условиях благодаря тому, что на пересыльном пункте в Кемь я познакомился со священником, которого охраняли кабардинцы. Они очистили два места на нарах для православного священника и для муллы — чтобы те могли отдохнуть — и сторожили, когда их пытались ограбить воры. Кабардинцы вели себя достойно.

Этот священник, о. Александр, мне сказал, чтобы я по приезде на Соловки разыскал о. Николая Пескановского, который все устроит. И вот, представьте себе, когда я приехал на Соловки (это было уже ночью, при «летучих» фонарях — это керосиновые фонари «летучая мышь», которые не гаснут на ветру) и нас принимали, проверяли документы, содержимое наших мешков, проверявший попросил у меня рубль. Я ему дал. И он на этом основании предоставил мне место на нарах, которое трудно было получить, потому что мы спали на полу в камере.

Он сказал: «Кого еще посадить?» — и я указал еще несколько человек из своих. Он отвел нас в помещение, которое было алтарем Троицкой церкви, и предоставил удобные места у окна. Мало этого: когда утром всех разобрали на физические работы, я проснулся и вижу, что никого нет. Оказывается, он приказал, чтобы меня не трогали, потому что я больной. Я увидел только сидящего священника — это оказался о.Николай Пескановский.

Через владыку Виктора Островидова он устроил меня в криминологический кабинет, где я все время и проработал, в очень хороших условиях, вместе с философом Александром Александровичем Мейером и другими замечательными людьми.

В общем, я считаю, что окончил два университета: один Ленинградский, а другой Соловецкий. Там читались и лекции — ведь никто не следил, потому что

не знали, что такое криминология. Начальство не вмешивалось. Им нужна была «туфта», чтобы показать, что на Соловках не только наказывают, но и перевоспитывают. Лекции же были очень интересные и в какой-то степени религиозные.

— А как вели себя бывшие революционеры?

— Им предоставлялись льготы, потому что по какой-то швейцарской конвенции политические заключенные пользовались преимуществами: у них были прогулки, их нельзя было принуждать к работе... Кроме этого, они получали посылки от политического Красного креста и жили в относительно хороших условиях. Их не смущало, что «казармы» («подозреваемые в контрреволюции») и все остальные живут в плохих условиях; «казармы» считались не политическими, а как-бы военнопленными.

Политические — бывшие эсеры, анархисты, о которых заболталась эта конвенция, — относились к «казармам» с презрением, потому что считали себя настоящими «радетелями» судеб страны: у них есть политическая программа, и они знают, как себя держать. Они объявляли голодовки, а мы не могли — у нас не было такой организованности.

Надо сказать, что впечатление от этих политических было очень тяжелое, очень неприятное. И, кстати, среди них было много «стучаек» и провокаторов, которые выдавали и своих, и наших.

— Некоторые люди считали, что революция 1917 года — событие религиозное, апокалипсическое.

— Нет, у нас не было такого ощущения. Признаки апокалипсиса были — но ведь каждый человек, заболевая, приближается к смерти и рассматривает все происходящее с ним в духовной сфере, как приближение к смерти мира. То, что нам приходилось переживать, тоже было приближением к смерти, но это не было смертью — это не означало, что обязательно все должны погибнуть.

— В беседе «Предварительные итоги тысячелетнего опыта» (1988 г.) Вы пишете, что с крещения Руси можно начинать историю русской культуры. Но сегодня многие заявляют о существовании на Руси развитой языческой культуры и даже письменности, ссылаясь при этом на «Велесову книгу». Говорят о якобы генетически присущей славянам ментальности, которая была погублена христианством как религией, русским чуждой и враждебной.

— «Дохристианского культурного периода», в общем-то, не было. Было язычество. А то, что написано в Велесовой книге, — это чистый вымысел, о чем хорошо написал О.Творогов в «Русской литературе».

Но украинцы продолжают верить в Велесову книгу, в то, что они являются самой старой национальностью на земном шаре. И об этом даже упомянул Билл Клинтон: устанавливая отношения с украинцами, он назвал их самой старой нацией Европы.

— Сейчас появились общества, где, пытаясь возродить язычество, молятся Яриле и другим богам, поклоняются огню, используют арийские символы...

— Я думаю, многое объясняется потребностью в веселье: прыганье через костер воспринимается как увеселение, так же, как танцы. Только часть людей воспринимает эти языческие действия как религиозные, а для большинства они таковыми не являются.

— Одновременно мы сталкиваемся и с другой крайностью: некоторые связывают православие исключительно со славянством.

— Это увлечение чистой внешностью: нравится борода, нравится кафтан. Просто нравится быт. Должен сказать, что мне тоже очень нравится православный быт, но это не означает, что быт католический непременно должен быть хуже или что он вообще не имеет отношения к религии.

— Дмитрий Сергеевич, главное дело Вашей жизни — изучение древнерусской литературы. Но ведь Вы пришли в университет с другими намерениями. Что же было для Вас решающим в определении научного пути?

— Когда я пришел в университет, то решил заняться англистикой, потому что мне очень нравился английский язык, английская литература, поэзия. Но постепенно я убедился в том, что для России гораздо важнее изучение русской литературы, русского языка, быта, истории — все это гораздо менее известно в России, чем европейская история.

Кроме того, многое гибнет, и гибнущее надо спасать. Поэтому в конце концов я стал заниматься только на славяно-русском отделении.

— Каково, на Ваш взгляд, культурное призвание Русской Церкви?

— Ее долг заключается именно в сохранении русской культуры — не только в сохранении книг и т.п., но в сохранении самого духа православия. И это, мне кажется, ей блестяще удалось.

Сегодня, конечно, речь не идет о точном, буквальном восстановлении былой духовности русской культуры, но о восстановлении того духовного напряжения, которое существовало в конце XIX века и начале XX века. В особенности я желал бы, чтобы к нам вернулся дух Владимира Соловьева, то есть чтобы нынешний дух был на той же высоте. Скажите, что Соловьев — философ какой-то одной мысли, философ с определенной концепцией, я думаю, нельзя. Он все время искал. Соловьев дает нам образ ищущего человека.

— Многие люди связывали свои надежды с Русской Православной Церковью именно в смысле восстановления того духовного напряжения, о котором Вы говорили. Теперь оказалось, что для интеллигентных людей быть официальным православным невозможно, потому что слишком многие православные заражены шовинистическими идеями. Очень сильные и антисемитские настроения, которые у нас в Петербурге в последние годы поддерживались официально.

— Меня тоже это сильно огорчает и тревожит. Церковь должна занять в этом плане сильную позицию: нельзя допустить распространения человеконенавистничества.

— Если представить себе, что не было 1917 года, что было бы сейчас в России?

В том-то и дело, что дьявол испугался и не допустил того синтеза, который должен был произойти и которого многие ждали, когда интеллигенция и Церковь в какой-то мере сблизилась бы и соединились.

Сегодня, возможно, мы слишком быстро вернулись к религии, и это возвращение во многом показное, но все-таки религия стала свободной.

Беседу вел
ЮРИЙ РУБАН